

Р. БАУМВОЛЬ

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Р. БАУМВОЛЬ

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1966

Рисунки Н. Устинова

СКАЗКА О СЕРОМ ПЁРЫШКЕ

Эта сказка о сером пёрышке, о маленьком сером пёрышке, вылетевшем откуда-то из гнезда. А может, и не из гнезда. Может быть, это пёрышко выпало из крыла какой-нибудь птички, когда она, сидя на ветке, чистила себе клювом перья. Может, его уронила во время перелёта дикая серая утка — всё может быть!

Но, когда это пёрышко подхватил ветер, он не стал спрашивать, чьё оно и откуда. Да и пёрышко, наверное, не помнило ничего про себя. Оно только трепетало всеми своими пушинками, под-

691649кх ред. Оч.

3

ставляя каждую из них струе воздуха. Оно перебирало ими, как крошечными тонкими пальчиками.

И так летело серое пёрышко до тех пор, пока не встретился ему петух.

Увидело оно петуха и просит его:

— Возьми меня, петух, к себе в крыло!

А петух как закукарекает:

— Я петух, у меня красивые перья, а ты, пёрышко, неприглядное, лети себе дальше.

Полетело серое пёрышко дальше, встретило оно попугая и просит его:

— Возьми меня, попугай, к себе в крыло!

А попугай ему в ответ:

— Я попугай, у меня пёстрые перья, а ты, пёрышко, серое, неприметное. Лети себе дальше.

Полетело дальше серое пёрышко. Летит, по ветру стелется. Встретило оно павлина и просит его:

— Возьми меня, павлин, к себе в крыло!

А павлин ему говорит:

— Я павлин, у меня особенные перья, а ты, пёрышко, обыкновенное. Лети себе дальше.

Летит дальше серое пёрышко, распушилось на ветру, видит какую-то маленькую птичку и просит её:

— Возьми меня хоть ты, маленькая птичка, к себе в крыло!

— Хорошо, — ответила птичка.

И серое пёрышко тут же прильнуло к её крылу — уж очень долго оно летело и сильно устало.

«Не гордая птичка, — подумало серое пёрышко, — да и чем ей гордиться: не кукарекает, не распускает хвоста веером, а всё же интересно узнать, кто она».

И серое пёрышко спросило:

— А как тебя зовут, маленькая птичка?

— Меня зовут соловьём, — ответила птичка, вспорхнула на высокую ветку и залилась звонко-звонко, как это умеет лишь один соловей.

РУЧЕЁК

Бежал ручей далеко-далеко: мимо рощицы, по лужайке, через деревню и ещё куда-то. Мимо рощицы бежал — берёзы в него смотрелись, как в зеркало. По лужайке бежал — утки и гуси в нём плавали. Через деревню бежал — ребятишки в нём плескались, босыми ногами шлёпали по

воде. Чем плохо? Все были довольны, все ручей похваливали. Но ручей вдруг загордился. Он сказал самому себе:

«Очень мне надо, чтобы берёзы в меня смотрелись, чтобы утки и гуси плавали, чтобы ребятишки плескались! Подумаешь, ещё бежать к ним! Кому нужно — сам придёт!»

Так решил ручей. И остановился.

Стоит день, стоит другой; ряской стал покрываться — это чтобы берёзы в него не смотрелись. Поскучал, поскучал да и высох.

А потом хлынул дождь. На месте прежнего ручья сделалось много-много маленьких ручейков. И про каждый ручейёк — своя маленькая сказка.

ЧТОБЫ НЕ ПРОСПАТЬ

— Почему ты кукарекаешь ранним утром, а не ранним вечером? — спросили как-то раз петуха.

— Потому что наступление темноты всякий сам видит, а рассвет не трудно и проспать, — ответил петух.

БАРСУК И НОРА

Однажды барсук, разгребая в лесу валежник, нашёл покинутую нору. Он решил в неё забраться, но норе не хотелось его пускать, и она сказала:

— Нечего лезть сюда! Здесь пусто, темно и холодно.

Но барсук отгрёб от входа сухие ветки и сказал:

— Теперь уже не темно.

Потом он влез в нору и сказал:

— Теперь уже не пусто.

И, полежав немного, добавил:

— И совсем не холодно.

СОЛНЦЕ И ЛУНА

Солнце поспорило с луной.

Солнце говорит — листья на деревьях зелёные, а луна говорит — они серебристые. Луна говорит — люди на земле всё больше спят. А солнце говорит — люди почти всегда в движении.

— Но тогда почему же на земле такая тишина? — спрашивает луна.

— Тишина? Кто это тебе сказал? — кипятится солнце. — На земле очень шумно.

Спорили они, спорили, ни до чего не dospорились.

— Ты видишь одно, я — другое, — сказала луна. — А почему так, сама не пойму.

Но тут прилетел ветерок. Услышал он этот разговор и засмеялся, да так, что, на него глядя,

затряслись от смеха цветы и травы, а деревья—те даже закачались. Одна маленькая смешливая шишечка хохотала до упаду. Упала с ёлки и покати-лась со смеху под горку.

Когда все перестали смеяться, ветер сказал:

— О чём вы спорите! Я летаю и при солнце и при луне. Днём при солнце листья зелёные, люди шумят, суетятся! Ночью, когда светит луна, всё по-другому: люди спят, кругом тишина и листья на деревьях кажутся серебристыми. А вот когда я на луну нагоняю тучу, всё делается чёрным. Этого ни ты, солнце, ни ты, луна, видеть не можете. До свиданья! — И ветер улетел.

С тех пор, перед тем, как солнцу садиться, выплывает луна: ей любопытно, как выглядит день на земле. И луне иногда удаётся это подсмотреть. А вот солнце никогда не может видеть ночи. Стоит ему показаться, как сразу же наступает день.

ДРУГ В КОШЁЛКЕ

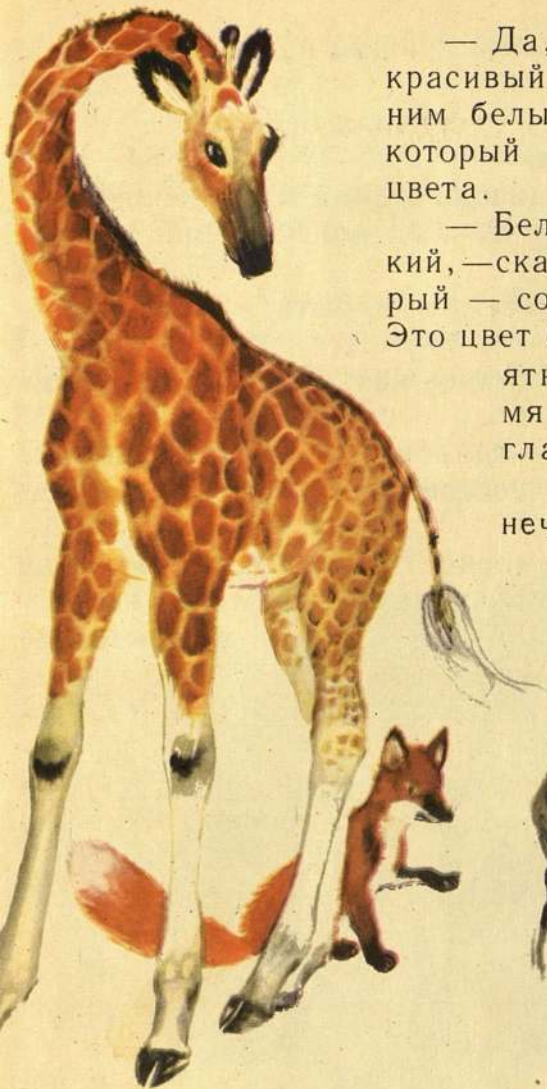
Вечером, когда закрыли зоопарк, лебедь сказал:

— Вы видели, как на меня люди за-
сматривались? Это потому, что я бе-
лый. Белый цвет самый чистый, са-
мый нарядный.

— Да, белый цвет самый красивый, — согласились с ним белый кролик и пони, который тоже был белого цвета.

— Белый цвет очень маркий, — сказал слон, — вот серый — совсем другое дело! Это цвет благородный, приятный и в то же время не бросается в глаза.

— Конечно, конечно! — воскликнул

серый ослик. — Самый лучший цвет, безусловно, серый.

— Нет, рыжий! — сказала белка.

Завязался спор.

Только зебра одиноко стояла в уголке за изгородью и молчала. Но под конец и она не выдержала.

— Самое лучшее, это... быть в полоску, — сказала она.

Никто зебру не поддержал, а филин захохотал даже.

Зебра обвела взглядом своих белых, серых, рыжих и пёстрых соседей. Полосатых здесь не было.

Надвигались сумерки. Где-то в клетке зарычал тигр. Зебра не могла знать, что он тоже полосатый, да если бы и знала, это едва ли порадовало бы её.

Служители зоопарка принялись заметать дорожки, убирать клетки. Пришёл старенький сторож; он повесил, как всегда, на столбик изгороди свою кошёлку и пошёл сказать «спокойной ночи» обитателям зоопарка.

Зебра долго не могла уснуть. Вдруг она услышала голос. Он доносился из кошёлки сторожа:

— Не спишь, полосаточка?

От неожиданности зебра вздрогнула, и полоски заиграли на ней, как рябь на воде.

— Кто говорит со мной так ласково? — спросила она.

— Это я, твой друг, — раздалось снова из кошёлки. — Какая ты красивая! Нет ничего красивее полосок.

— Ты не шутишь? — спросила зебра и, подойдя к кошёлке, заглянула в неё.

Там лежал арбуз. Нет, он не шутил, он тоже был полосатый.

Зебра стала влажными губами ощупывать арбуз, словно головку маленького зебрёныша. Ей сразу сделалось хорошо, спокойно. Она прислонилась лбом к кошёлке и задремала. Свежий, гладкий арбуз охлаждал ей лоб и навевал сны. Они были светлые. Светлые в полоску.

НИ-ТО-НИ-СЁ

Ни-То-Ни-Сё отправилось гулять. Идёт себе по лесу, видит — по траве разбросаны солнечные пятнышки. Подняло Ни-То-Ни-Сё эти пятнышки и налепило на себя.

Идёт дальше. А лесной народ дивится.

Одни говорят:

— Смотрите, жираф у нас появился!

Другие говорят:

— Какой же это жираф! У жирафа шея длинная. А это ни то ни сё...

691649

Идёт себе по лесу Ни-То-Ни-Сё, гуляет. Видит — деревце с причудливыми ветками. Взяло Ни-То-Ни-Сё две ветки и прицепило ко лбу.

Идёт дальше. А лесной народ дивится.

Одни говорят:

— Смотрите, олень у нас появился!

Другие говорят:

— Какой же это олень! У оленя ноги стройные. А это ни то ни сё...

Идёт себе по лесу Ни-То-Ни-Сё, во все стороны глядит. Видит — изумрудные листики среди зелени так и светятся. Сорвало Ни-То-Ни-Сё два таких листика и прилепило себе к глазам.

Идёт дальше. А лесной народ дивится.

Одни говорят:

— Смотрите, тигр у нас появился!

Другие говорят:

— Какой же это тигр! У тигра шкура полосатая. А это ни то ни сё.

Село Ни-То-Ни-Сё на пень и сидит себе.

Спрашивают его:

— Тебе грустно?

— Нет, — отвечает.

Спрашивают его:

— Тебе весело?

— Нет, — говорит.

— Что же всё-таки с тобой?

— Да мне ни то ни сё, — отвечает оно.

АПЕЛЬСИН И ЯБЛОКО

Девочка сняла с апельсина кожуру, увидела, как много в нём долек, и спросила:

— Апельсин, почему ты весь из долек?

— А это для того, чтобы ты со всеми могла поделиться, — ответил ей апельсин.

— А ты, яблоко, почему без долек? Чтобы я могла съесть тебя целиком? — спросила девочка, взяв яблоко, которое лежало рядом с апельсином.

— Нет, — ответило яблоко, — чтобы ты могла целиком отдать меня.

СОЛНЕЧНЫЙ КОВРИК

Вот так коврик !

Утром, как только я открываю глаза, он уже висит на стене, а днём он ложится поперёк комнаты на пол.

Я запираю его на ключ и ухожу в школу, а вернувшись, застаю коврик возле сарая на дровах ! Сквозь стёкла закрытых окон он приходит и уходит. Иногда от него остаётся только клочок или полоска. Но какой это яркий клочок, какая весёлая полоска !

Вот его совсем не стало, и комната сделалась скучной. Она украшена занавесками, дорожками, безделушками, но в ней нет больше чудесного солнечного коврика, который появляется, когда хочет, ложится, куда хочет, и вдруг исчезает, стоит только облачку появиться в небе.

СТАРЫЙ ЗУБР

Заяц прибежал к старому зубру:

— Спасите меня, я пропал! Лиса пронюхала, где моя нора. Если я вернусь домой, она меня сцапает. Остаться на ночь в лесу мне тоже нельзя — загрызут волки. Что делать? Уже темнеет, а мне переночевать негде...

— Приходи завтра, — ответил старый зубр, — и мы обязательно что-нибудь придумаем.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ВЕТЕР

Эта сказка про любопытный ветер, который любит приподнимать занавески, открывать двери, листать книги, по углам шарить. Всё ему надо знать, всё надо потрогать, повертеть так и этак.

Вот однажды нашёл он в саду что-то кругленькое, а что нашёл, сам не знает. Но узнать ему хочется, ой как хочется!

Подкатил ветер свою находку к дубу и спрашивает:

— Скажи, дуб, это не твой жёлудь?

— Нет, — отвечает дуб. — Мой жёлудь во много раз меньше, и он продолговатый, а это что-то вроде клубочка.

Подхватил ветер клубочек и покатил его дальше. Видит орешину, спрашивает:

— Скажи, орешина, не твой ли это орех?

— Нет, — говорит орешина, — мой орех во много раз меньше, и он твёрдый, а это — как круглое облупленное яичко.

Подкатил ветер круглое яичко к каштановому дереву и спрашивает:

— Скажи, каштановое дерево, это не твой каштан?

— Нет, — говорит каштановое дерево, — мои каштаны во много раз меньше, и на них лысинка, а это что-то вроде шарика.

Покатил ветер шарик по траве, выкатил на

дорожку, где стояли два красных ботиночка, а в ботиночках — ножки, а на ножках — девочка в красном платье.

— Вот он, мой маленький мячик! А я его ищу, ищу... Куда, думаю, закатился?.. — И она подхватила свой мячик и побежала по дорожке, а любопытный ветер — за нею, дёргая за красную ленту в косичке.

КРЫЛЬЯ

Два мальчика нагнулись над веткой куста и внимательно разглядывали божью коровку. А она взмахнула крылышками и полетела.

— Эх, мне бы крылья! — произнёс один из мальчиков.

— И я бы хотел иметь крылья, — сказал другой. — Полетел бы я тогда на конфетную фабрику, что у нас на окраине. Вот уж наелся бы там конфет! А ты?

— Я, — сказал первый мальчик, — я бы полетел высоко-высоко за облака.

И так как всё это было в сказке, то желание обоих мальчиков тут же исполнилось. Божья коровка была не простая, а волшебная. Улетая, она подслушала разговор двух товарищей и сделала так, что у них сразу появились крылья.

Но что же: тот, который мечтал о сладостях, стал мухой, а тот, который хотел к солнцу, стал птицей.

Крылья-то бывают разные.

ДРУГОГО ЯЗЫКА НЕ БЫВАЕТ

Лев сказал:

— Царю зверей надобно знать язык любого существа, живущего в его лесах. Даже самого крохотного. Какой звук издаёт, например, комар? Пусть мне сегодня же к вечеру об этом доложат!

Пошёл медведь с приказом льва к волку, волк — к лягушке, лягушка — к комару.

— Какой звук издаёшь ты, комар? Сам лев спрашивает об этом, — сказала она.

— Ззз, — тоненько зазвенел комар.

— Ну, какой звук издаёт комар? — спросил волк у лягушки.

— Ква-ква-ква, — ответила лягушка.

— Как разговаривает комар? — спросил медведь волка.

— «Ууу!» — вот как он разговаривает, — завыл волк.

Пошёл мишка ко льву. На пороге львиной пещеры встретила его львица.

— Лев сейчас изволит отдохнуть, — сказала она. — Что передать ему?

— Передайте, — сказал медведь, — что я выполнил его приказ и узнал, какой звук издаёт комар. Комар разговаривает вот как: «Буу!» — И медведь заревел.

Пришла львица ко льву и говорит:

— Приходил Михайло Потапыч и сказывал,

что комары разговаривают вот так: «Ррр!» — И львица зарычала.

— Вот видишь, дорогая, — обрадовался лев, — самые малые создания в лесу, комары, и те разговаривают на моём языке. Потому что другого языка не бывает и быть не может, вот что я тебе скажу! — И лев, повернувшись на другой бок, захрапел.

РЫБАК-ЧУДАК

- Рыбак, рыбак, почему ты рыбы не поймал?
- Я было поймал её, а она как закричит на меня, я и пустил её обратно в реку.
- Не может рыба кричать, нет у неё голоса.
- Рыбак, рыбак, почему ты рыбы не поймал?

— Я было поймал её, а она мне пальцем погрозила, я и пустил её обратно в реку.

— Неправду говоришь, не может рыба грозить пальцем, нет у неё рук.

— Рыбак, рыбак, почему ты рыбы не поймал?

— Я было поймал её, а она как затопает на меня ногами, я и пустил её обратно в реку.

— Опять же неправда, не может рыба ногами топать, нет у неё ног.

— Рыбак, рыбак, почему ты рыбы не поймал?

— Я было поймал её, да вижу, что у неё нет ни рук, ни ног, ни голоса, — я и пустил её обратно в реку.

ГОЛЫЙ КОМАР

Когда-то комар носил одёжку. Вот надумал он однажды привести её в порядок и полетел к знакомому жуку.

Сидит жук на бузине, а у самого крылья корытцем сложены.

— Одолжи мне, пожалуйста, жук, твоё корытце одёжку постирать, — просит комар.

— С удовольствием одолжил бы, да корытце-то у меня треснутое, не годится оно для стирки.

Жук шевельнул крылышками, и корытце распалось на две половинки.

Полетел комар к пауку:

— Паук, паук, одолжи мне ниточку одёжку зашить

А паук ему в ответ:

— Иголка у тебя есть? Ты сначала иголку раздобудь, а потом уже нитку спрашивай.

Полетел комар к ежу:

— Ёж, а ёж, дай мне, пожалуйста, иголку одёжку зашить.

А ёж и говорит ему:

— С радостью дал бы, да в моей иголке ушка нет. Как же ты нитку вденешь?

Так и летал комар от одного к другому, покуда совсем не износилась на нём одёжка. А когда износилась, голый стал летать.

Да ему и голому не худо — на то он и комар.

ОТРАЖЕНИЕ

— Мама, — спросила маленькая зелёная лягушечка, глядя на себя в воду, — кто это смешное зелёное существо с выпученными глазами, с раскоряченными лапками и ртом до ушей?

— Это твоё отражение, дочка, — ответила мать-лягушка.

Недовольная лягушечка отвернулась от воды и быстро поскакала по траве. Вскоре она опять позвала свою мать:

— Смотри, а вот опять моё отражение в траве, но такое хорошенькое! Ножки стройные, тельце ладное...

— Это не твоё отражение, это кузнечик, — сказала старая лягушка. — В траве отражения не бывает.

Лягушечка сделала вид, будто не расслышала, однако опять повернула к воде, а за ней и её мать.

— Ну, а теперь ты видишь в воде моё отражение? — не унималась лягушечка. — И какое же оно славное: тельце серебристое, гибкое, прозрачные веерочки по бокам, а хвостик-то, хвостик у меня какой!

— Это не твоё отражение, это рыбка плавает в воде, — терпеливо объяснила мать.

— Как что-нибудь красивое, так ты говоришь — не я, — обиделась лягушечка. — Ты, мама, просто меня не любишь!

— Люблю и горжусь, что ты на меня похожа, — заквакала большая лягушка.

А маленькая взглянула на неё и залилась слезами.

КАМЕНЬ И РУЧЕЁК

Вот они — большой камень и маленький ручеёк.

— Скажи что-нибудь! — просит камень.

— Пли-пли-плю, — говорит ручеёк.

— Ну, пожалуйста, ещё что-нибудь...

— Плю-пли-буль-буль...

— А вот я ничего не могу придумать, — вздыхает камень, блестя гладким лбом.

Ручеёк прибегает издалека, вьющейся прядкой слегка дотрагивается до шершавой щеки камня и бежит, бежит дальше.

Камень, прильнув огромным серым ухом к ручью, слушает.

— Пля-пля-плих.

Опять что-то новое!

ЧЕРВЯК И ОРЕХ

Постучал червяк в орех:

— Эй, друг! Темно в твоём доме. Ни свету, ни воздуху. Давай просверлю тебе оконце.

Очнулось ядрышко от сладкого-сладкого сна и говорит:

— Хорошо, сверли.

Полез червяк в орех, и горько-горько сделалось ядрышку. А потом и мне.

БЕЛКА И СОРОКА

Сорока приставала к белке:

— Скажи, как это ты переходишь по воздуху с одного дерева на другое? Ведь по воздуху

можно только летать, но не ходить. А у тебя крыльев-то нет.

— Знаю, что нет, — отвечала белка. — А я перехожу по собственному хвосту, как по мосту.

— Вот оно что! — успокоилась на минуту глупая сорока, а потом опять застрекотала: — Подожди, ведь хвост у тебя сзади, а не спереди. Как же ты можешь ходить по нему, как по мосту? — не унималась она.

— Знаю, что сзади, — отвечала белка. — Но ведь я хожу по хвосту только тогда, когда возвращаюсь.

— Вот оно что! — сказала сорока и, поняв, что уже всё равно ничего тут не поймёт, улетела прочь.

ПЕРВЫЙ УРОК

У лесной синички вылупился птенец. Он ещё был мокрый, с кусочком скорлупы на голове, но считал себя уже взрослым. Он сказал:

— Я хочу выбраться из гнезда.

— Что ты, что ты. — всполошилась синичка-мать, — на дворе дождь!

— Дождя не бывает, — заявил птенец, который никогда ещё не видел дождя, и стал вылезать.

Но тут крупная дождевая капля ударила его по мягкому клювику.

Малыш от неожиданности потерял равновесие и свалился на самое дно гнезда.

— Что это? — испуганно спросил он, прижимаясь к своей маме.

— Это первый щелчок по носу, который ты получил, — ответила синичка.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Солнце стало нанизывать на свои лучи дождединки — захотело сделать себе из дождя бусы. Но дождединки все до одной попадали на землю.

Тогда солнце сказало:

Я и без бус обойдусь. У меня ленты есть... — и развернуло над землёй радугу.

ЗИМНИЙ ПРИВЕТ

Проснулась утром белка и видит: земля покрыта снегом, деревья тоже. А в воздухе летают пушистые снежинки.

— Пошлю зайцу снежинку! — сказала белка. — Пусть это ему будет зимний привет от меня.

И белка выбрала самую красивую снежинку — крохотное, сверкающее колёсико с причудливыми зубцами, — толкнула его и проговорила:

— Катись, снежинка, катись прямо к зайцу и передай ему от меня зимний привет.

Покатилась снежинка и запела:

Была я снежинкой, а стану комком.

Я к зайчику белым качусь коломком.

Ах, к зайчику, зайчику, зайчику, зайчику

Белым качусь коломком.

Катится снежинка. А к ней по дороге всё новые и новые снежинки прилипают. Снежинка знает себе обрастает снегом. И, покуда докатилась до зайца, она уже была не снежинкой, а комочком. Белым гладким комочком.

Обрадовался заяц, повертел снежный комок и так и этак. «Давай, — думает, — пошлю зимний привет лисе. Вот обрадуется она!»

Тут заяц толкнул комок снега и проговорил:

— Катись, комочек, катись прямо к лисе и передай ей от меня зимний привет.

Покатился комочек и запел:

Вот-вот из комочка получится ком...

Я к лисоньке в гости качусь кувырком.

Ах, к лисоньке, лисоньке, лисоньке, лисоньке

В гости качусь кувырком.

Катится комочек, а к нему по дороге всё новые и новые снежинки прилипают. Комочек знай себе обрастает снегом, и, покуда докатился до лисы, он уже был не комочком, а комом. Большим белым комом.

Обрадовалась лиса, повертелась вокруг снежного кома, повертелась да и надумала: «Давай пошлю привет косолапому мишке. Вот обрадуется он!»

Разбежалась лиса, толкнула снежный ком изо всей силы и проговорила:

— Катись, ком, катись прямо к мишке и передай от меня косолапому зимний привет.

Покатился снежный ком и запел:

Я ком, из которого станет гора.

С приветом к медведю качусь я с утра.

Ах, к мишеньке, мишеньке, мишеньке, мишеньке

Мне прикатиться пора.

Катится ком, а к нему по дороге всё новые и новые снежинки прилипают. Ком знай себе обрастает снегом, и, покуда докатился до косолапого мишки, он уже был не комом, а горой. Белой снежной горой.

Проснулся медведь, вылез из своей берлоги, увидел снежную гору и заворчал:

— Кто это мне выход снегом загородил?..

Он уже хотел было на-
лечь плечом, чтобы отодви-
нуть снежную гору, да
вдруг раздумал: лень на-
пала.

— Пойду, — говорит, —
прилягу. Авось само как-ни-
будь обойдётся...

Полез медведь назад в
берлогу, подремал, засунув
лапу в пасть, а когда выле-
зять стал, всюду уже таял
снег.

Понюхал медведь воздух,
полизал снег и стоит, лохма-
тый, не шелохнётся. На его
носу капелька в лучах солн-
ца поблёскивает.

Эта капелька и была той
растаявшей снежинкой, ко-
торую в начале сказки бел-
ка послала зайцу.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ДРУЖБА

Как получилось, что слон подружился с мышью, трудно сказать. Но всё же они подружились. Правда, дружить им было нелегко. Слон почти не видел мыши: та была уж слишком мала, а

мышь не могла слона охватить взором. Поэтому ей казалось, что она дружит с горой, а слону казалось, что он дружит с букашкой.

Однажды мышь нашла какой-то странный предмет с круглыми стёклышками по бокам и с сёдлышком посередине.

— Взгляните, — сказала она слону, — я нашла зимние очки! У них двойные стёкла, как зимою в окнах домов.

Слон посмотрел на находку своими умными маленькими глазками и сказал:

— Никакие это не зимние очки, а бинокль. Он поможет нам с вами ещё лучше дружить: теперь нам будет удобнее видеть друг друга.

И действительно, когда мышь по совету слона посмотрела на него через уменьшительные стёкла бинокля, она впервые увидела своего друга целиком. И какое это было величавое зрелище!

А слон, посмотрев на мышь через увеличительные стёкла бинокля, впервые разглядел её как следует и нашёл, что она прехорошенькая.

Правда, то и дело смотреть в бинокль было для обоих утомительно, но чего только не сделаешь ради дружбы, тем более ради такой необыкновенной дружбы, которая бывает только в сказках!

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Эта сказка про лес. Про лес, который шумит. Шумит и потихоньку раскачивается. Раскачивается и баюкает.

Лес шумит. Это не то что человек шумит или город шумит. Лес шумит, чтобы было тихо. Да, да! Как это ни странно, это именно так. Лесной шум—это особый шум. Он делается не так-то просто.

В лесную глубь, как в огромную ступу, насыпается всего-всего. Тут и жуки, и муравьи, и пчёлы, и шмели. Они шуршат, жужжат, гудят, стрекочут. Всё это прокладывается шелестом трав и листьев, посыпается птичьим щебетом. Добавь ещё сюда лёгкое потрескивание ветвей и сучьев и журчание ручьёв. Днём и ночью эти звуки толчёт ветерок, толчёт терпеливо и старательно своим воздушным пестом. И от этого—лесной шум. И от этого—лесная тишина. Баюкающий шум. Баюкающая тишина.

Посмотри вокруг. Куда ни глянешь, всё стволы, стволы — красновато-коричневые и серебристые, свинцово-серые и рыжие, толстые, и тонкие, гладкие и шершавые. И много-много пятнышек на траве. Это солнечные пятнышки, для того чтобы в лесу было чисто. Да, да! Как это ни странно, но это так.

А теперь посмотри вверх. Там кроны деревьев

то и дело покачиваются. Это маятники, отсчитывающие лесное время. Сейчас ещё очень рано. Начало птичьего. А в половине звериного проснутся не только птицы, но и лесные зверьки. Они захлопочут, забегают, зачихают, зафыркают, зацокают, засопят. И лес от этого сразу оживёт. Видишь, весь он с головы до пят в непрерывном движении. Муравьи и жучки копошатся, трава и цветы покачиваются, листья подрагивают, птицы если не летают, то перескакивают с ветки на ветку, а если не скачут, часто-часто дёргают шейкой во все стороны. Даже паутинка на ветке и та дышит, дышит.

А над всем этим — над муравьями, травой, листьями, птицами и деревьями — непрерывное движение облаков, то густых и пышных, то еле заметных. Так и ходит лес ходуном от муравьёв до об-

лаков. Это он так движется, чтобы ещё крепче стоять на месте. Да, да! Как это ни странно, это именно так.

Вот ты пришёл в лес, чтобы тоже сделаться частицей его, частицей этой лесной сказки. Жучок взбирается по твоей ступне, какой-то стебель обвил твоё колено, паучок на паутине спустился тебе на голову, а лес из солнечных бликов и теней соткал тебе лесное платье. Только таким тебя хочет видеть лес. Только таким он тебя принимает. Его стебли ласкаются к тебе, паутинки обнимают, а старая сосна смотрит на тебя, не нарадуется. Да вдруг возьмёт и кинет в тебя шишкой. И тебе ничуть не больно. Даже приятно. Ты поднимаешь голову и смотришь: сначала вверх, потом по сторонам, потом под ноги, потом снова вверх.

До чего хорошо! Сказочно хорошо!

СЕКРЕТ

Природа не любит выдавать свои секреты.

Мы никогда не можем подстеречь то мгновение, когда на дереве появляются почки, когда из почек выходят на свет листики, когда покажутся цветок или травка. Как будто бы всё в природе только и ждёт, когда мы отвернёмся, чтобы вдруг появиться.

«Вот и не буду отворачиваться, — решил один человек, — буду не отрываясь смотреть. На что я

буду смотреть? Ну конечно, на то, что растёт быстрее всего. А быстрее всего растут грибы».

Пришёл человек в лес, лёг на живот против пня, подпёр голову руками и стал смотреть.

«Пролежу так пускай до завтра, но дождусь гриба», — думает человек, а сам с земли глаз не сводит.

А грибы под землёй чувствуют что-то неладное: кто-то подглядывает, и не могут вылезти. Не могут, а уж пора. Как тут быть? Позвали они на помощь дождь. Не простой, а проливной. Как грянул ливень, человек и укрылся с головой под свою одежду. Подождал он так, покуда стихло, а как выглянул, увидал: гриб торчит! А ведь его здесь не было.

С тех пор грибы появляются после дождя.

КАК МЕДВЕДИЦА ИСКАЛА СВОИХ МЕДВЕЖАТ

Уже спустились сумерки, когда медведица вылезла из берлоги, чтобы позвать спать своих медвежат. Она обошла всю полянку, но их нигде не было видно.

«Наверно, пошли сказать „спокойной ночи“ львьятам», — подумала она и направилась к львиной пещере. Но у львицы медвежат не было. А львята уже лежали — гривка к гривке — и сладко посапывали.

«Наверно, они в гостях у тигрицы», — решила медведица. Но у тигрицы их тоже не было. А тигрята уже лежали — полоска к полоске — и громко похрапывали.

«А может, медвежата забрели к барсу?» Но и у барса медвежат не было. А барсята уже лежали — пятнышко к пятнышку — и крепко спали.

«Не могут же медвежата быть у зайцев, — сказала себе медведица, — зайчата небось давно уже лежат — ухо к уху — и носами звонко посвистывают. Но где мои медвежата?»

Идёт медведица по лесу, каждый куст обнюхивает, а ей навстречу папа-медведь — возвращается из малинника.

— Куда это ты?

— Да вот медвежат наших разыскиваю. Им уже спать пора.

— А у львицы ты их искала?

— Искала, нет их там. А львята, те лежат — гривка к гривке — и преспокойно спят.

— А у тигрицы ты была?

— Конечно! Но их там нет. А тигрята, те лежат — полоска к полоске — и преспокойно спят.

— А барсов ты спрашивала?

— Ещё бы! Нет их там. А барсята, те лежат — пятнышко к пят-

нышку — и преспокойно спят.

— А к зайцам небось заходить незначем?

— Ясное дело, незачем. Зайчата небось лежат — ухо к уху — и преспокойно спят.

— А может быть, наши медвежата, пока ты их ищешь, вернулись в берлогу?

— Как это — вернулись?

— Да так, очень просто.

— Кто, медвежата?

— Ну да!

— В берлогу, говоришь?

— В берлогу, говорю.

— Пойдём поглядим.

Пришли медведь и медведица к своей берлоге, а там медвежата лежат — хвостик к хвостику — и давно уже спят.

— Тихо, косолапый, не разбуди их...

ВСЕ ОСТАЛИСЬ ДОВОЛЬНЫ

Подружились медведь и заяц, хотя в действительности этого не бывает.

— Пойдём навестим наших друзей в деревне, — сказал однажды заяц медведю.

А их друзьями были лошадь и корова, чего, конечно, тоже никогда не бывает.

Вот они двинулись знакомой тропинкой. Обрадовались лошадь и корова, увидав гостей. Стали все четверо разговаривать о том да о сем, друг друга похваляют.

— Ну и хвост же у тебя, бурёнушка, всем хвостам хвост! — восхищается заяц. — А мой-то какой куций...

— Зато у тебя уши хороши, — отвечает корова.

А медведь любуется лошадиными копытами:

— Мне бы такие! Вот бы я зажил...

— Что до меня, — говорит лошадь, — я бы хоть раз в жизни хотела постоять на задних ногах. Меня бы, может, и запрягать перестали.

Поговорили, поговорили — надумали меняться. И (вот уж чего никогда не бывает!) заяц взял себе коровий хвост, корова — заячьи уши, медведь — копыта, а лошадь — медвежьи лапы. Сначала все были довольны.

Прибежал заяц в лес, сел посреди полянки, коровьим хвостом обмахивается — доволен! Жаль только, что мух нет. А как лиса к нему подкрады-

вається — этого без своих длинных ушей не слышит. Ещё хорошо, что лиса, когда увидела у зайца коровий хвост, от удивления забыла, зачем пришла.

А медведь? Залёг он было на зиму в берлогу Собрался лапу сосать. Но копыто не очень-то пососёшь! Взвыл Мишенька и к зайцу пошёл. А заяц сам ему навстречу скачет.

— Еле, — говорит, — я, глухая тетеря, от лисы спасся. Из-под самого её носа вывернулся.

Собрались медведь и заяц в деревню, да тут увидели, что корова и лошадь к ним спешат.

— Что случилось?

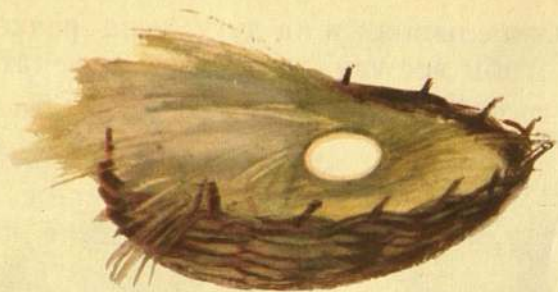
— А то, что житья мне не стало, — говорит бурёнка, — доярка ещё за версту от меня, а я уже слышу её шаги — и наутёк. Зачем бегу — сама не знаю. Так и хожу недоёная. Уффф... тяжело как!

— А я, — говорит лошадь, — когда меня запрягли, встала на задние ноги и всю поклажу из телеги вытряхнула. Ну и шуму было! Одни говорят: «Её в цирк надо». Это меня-то! Другие кричат: «Она взбесилась!» Что ты будешь делать!

— Что делать? Меняться снова, как было.

И все поменялись. Да как довольны были — больше прежнего.

Только зайцу пришлось долгое время проветривать уши: уж очень они хлевом пахли.

СОБЫТИЕ

Летний жаркий день. Всё кругом раскалено, всё застыло, прислушиваясь к зною. Тишина. Лишь изредка, тяжело жужжа, низко пролетает шмель, а то ещё раздастся слабый писк цыплёнка.

Со двора видны луг, речка, а за речкой — домики, а за домиками — лес, а над лесом — редкие облака. Сюда облака не доходят, здесь небо золотисто-синее, полное солнца. До чего спокойно! Кажется, что весь мир спит с открытыми глазами и если кто и шевелится, так это только во сне.

И вдруг раздаётся звонкое частое кудактанье.

— Ко-ко-ко-ко! — захлёбывается от радости курица. Она сообщает всем-всем, что снесла яйцо — не золотое, а простое, чуть-чуть смуглое, овальное, тёпленькое яичко.

Не поймёшь, откуда доносится этот радостный крик. Он плывёт где-то посередине, так, чтобы

всюду было слышно: и на лугу, и на речке, и во дворах, чтобы все узнали об этом замечательном событии — курица снесла яйцо!

НА ПОЛЯНКЕ

— Какой же ты красивый, — сказала медуница колокольчику, — шелковистый, с зубчиками, такого нежного лилового цвета! Ты похож на крохотный парашютик. Любо смотреть!

— А я бы лучше хотел быть таким душистым, как ты, — ответил колокольчик. — Пахнет от тебя мёдом, чуть-чуть посыпанным перцем, — и сладко, и крепко. Такой аромат лучше всякой красоты.

— Нет, — сказала медуница, — я бы лучше хотела быть нарядной. Но, видно, каждому своё.

— Это верно, — сказал колокольчик. — А вот напротив растёт корешок, видишь? Простой, серенький корешок — ни запаху, ни виду. И зачем только живёт — неизвестно.

— А ведь правда! — согласилась медуница. — Ты красивый, я душистая, а он что?

Услышал это корешок и отозвался:

— Ты душистая, он красивый, а я... я тоже какой-то, но какой — вспомнить не могу. Сегодня утром проходил мимо дедушка с внуком, показал на меня своей палкой и рассказал ему что-то про меня. А что — я и позабыл.

Переглянулись тут медуница с колокольчиком: вот, мол, бедняга, и вспомнить-то ему нечего.

— Ай-ай-ай, какой жалкий, — закачали они своими головками, — ай-ай-ай, — и качали ими, качали до самого полудня.

А в полдень корешок вдруг высунулся из-за травинки.

— Я вспомнил, какой я! — закричал он. — Я целебный!

— Целебный?! — ахнули колокольчик и медуница. — Целебный — это значит, от болезни вылечить может. А мы-то думали... Прости, корешок, нас, неразумных. — И они стали ему кланяться.

Так они до самой ночи всё кланялись и кланялись.

ДЕТИ

На зелёном, залитом солнцем лугу, недалеко от своей мамы, пощипывает траву жеребёнок — коричневый и блестящий, будто сделанный из шоколада. Мама-лошадь ведёт с ним разговор без слов на своём особом лошадином языке: то

покосится на него, то вытянет шею в его сторону, а то и слегка хлестнёт его кончиком хвоста.

На нашем человеческом языке это значит примерно вот что: «Не ту траву щиплешь!.. Плохо прожёвываешь!.. Не раздави, растяпа, жучка своим копытцем!»

Вот жеребёнок поднимает голову и с любопытством смотрит на мальчика — незнакомого детёныша светлой масти, который тоже пасётся здесь, на лужайке, но щиплет почему-то не траву, а цветы, и щиплет передними ногами, а не губами.

Детёныш этот жеребёнку очень нравится, и, когда тот, погнавшись вдруг за бабочкой, падает, жеребёнок громко и весело ржёт, за что получает хвостом по спине от своей мамы-лошади.

— Заржал, обрадовался... — стыдит она его. — Лучше бы себе под копытца смотрел, невежа этакий! Разве можно ржать, когда другой споткнулся?

Жеребёнок опускает голову, виновато трётся о тёплый лоснящийся бок матери и снова ржёт. Но на этот раз уже не над мальчиком, а просто так, от большого удовольствия, оттого, что день солнечный, трава сочная, а мальчик на лугу прыгает совсем как жеребёнок.

ЯГОДКА

Жила-была в лесу старая бабушка-ёлка. Однажды увидела она около себя в траве красную точку.

— Ягодка выросла! — обрадовалась старая ёлка, а что это за ягодка, понять не может: земляника уже сошла, для брусники рано.

А ягодка сама тоже не знает, кто она, только как появилась, так не перестанет ныть: «Хочу на шею, хочу на шею...»

— Знаешь что, — сказала ей как-то раз бабушка-ёлка, шурша своими зелёными юбками, — будь моей внучкой и брось ты эти глупости — проситься на шею, не то услышит птичка твой голос и склюёт тебя или кто-нибудь положит в лукошко и унесёт из лесу.

Так и стала ягодка внучкой бабушки-ёлки и живёт

себе, поживает. Птички её не клюют, дети не трогают, и сохнуть она не сохнет; горит в траве пунцовым цветом, а бабушка-ёлка не нарадуется.

— Ягодка ты моя, — говорит она ей, — радость ты моя, и ветер тебе нипочём, и дождей холодных ты не боишься.

Как-то поздней осенью шли мимо мальчик и девочка.

— Смотри, ягода! — сказал мальчик.

Девочка нагнулась, подняла красную горошинку и стала её внимательно разглядывать.

— Да ведь это бусинка! — засмеялась она. — Потрогай, она твёрдая-претвёрдая, и у неё сквозная дырочка!

— Брось её, — сказал мальчик, — зачем тебе одна бусинка, а здесь в траве она вроде ягоды. Как красиво!

Девочка бросила бусинку под ёлку, и дети пошли своей дорогой, оглянувшись разок-другой.

А бабушка-ёлка шуршала своими зелёными ветками, как накрахмаленными юбками, и радовалась, что ягодка осталась с ней. Да и ягодка забыла со временем, что она бусинка, и перестала проситься на шею. Уж очень хорошо было в лесу!

ДВА МУРАВЬЯ

Два муравья ползли рядышком по арбузу.

— А у меня лето, всё кругом зелено, — сказал один муравей.

— А я не знаю, лето или зима, потому что у меня ночь, всё кругом черно, — ответил другой.

И они дальше поползли — один по зелёной, другой по чёрной полоске арбуза.

СИНЯЯ ВАРЕЖКА

В речке были две проруби. У одной дедушка удил рыбу, а у другой внучка рубашку ему полоскала. Как кончила полоскать, стала надевать свои синие варежки, да уронила одну в прорубь.

Поплыла синяя варежка подо льдом, знай себе толстым пальчиком, как плавником, помахивает.

А рыбы, глядя на неё, диву даются.

— Как зовут тебя, синяя рыбка? — спрашивают они.

— Варешка.

— А откуда ты будешь?

— С руки.

Варешка сказала «с руки», а рыбкам послышалось «с реки», и они решили, что эта забавная

синяя рыбка из той большой реки, куда вливается их речка. И стали они подплывать к варёжке, знакомиться. А одна плотица так близко подплыла, что зацепилась за неё чешуйкой и потянула за собой синюю курчавую нитку.

Испугалась плотица, подумала, что незнакомая рыбка хочет её съесть. Дёрнулась — и наутёк. Синюю нитку так и тянет за собой подо льдом. А варёжка всё распускается и распускается...

Одним духом доплыла плотица до второй проруби. Не успела отдышаться, как дедушка поймал её на удочку и вытянул вместе с синей курчавой ниткой.

— Эка диковина! — сказал дед и, отцепив нитку, стал наматывать её на спичечный коробок.

Наматывал дедушка нитку, наматывал — всю варёжку из речки вытянул. Толстый получился клубок.

Тут и внучка прибежала:

— Дедушка, я варёжку в прорубь уронила!

— А я тебе её вытащил! — показал дедушка на мокрый синий клубок.

А плотичка у дедушки в корзинке всё бьёт и бьёт хвостиком — охота ей рассказать, как варёжка рыбкой была.

ЦЫПЛЁНОК И ГУСЕНИЦА

Цыплёнок был уже взрослый: он сегодня впервые кукарекнул. Правда, «кукареку» у него получилось не сразу: сначала «кукаре», а «ку» немного погодя и очень тихо. Но ведь всё сразу нельзя, он и так был очень доволен. И вот этот довольный цыплёнок петушок важно разгуливал по саду, держась немного в стороне от остальных цыплят, родных его братьев и сестёр.

Вдруг он заметил на земле серую гусеницу. Она быстро-быстро перебирала своими коротенькими ножками. Цыплёнок внимательно посмотрел на неё и сказал:

— Ножек у тебя много, а двигаешься еле-еле. Вот у меня всего две ноги, а я шагну — и тебя перегоню!

— Ну, и перегони, — миролюбиво ответила гусеница.

А петушок сказал:

— Очень мне надо с тобой наперегонки бегать! Я тебя сейчас проглочу — вот что!

Услышав такие слова, гусеница испугалась, но виду не подала.

— Это я только здесь, по траве, так медленно ползаю, — сказала она, — а по дереву я мчусь вовсю!

— Не может быть! — кукарекнул петушок.

— Не может быть? Ну что ж, если я соврала,

ты меня проглотишь. Вот погляди... — И гусеница подползла к стволу.

Цыплёнок шагнул к дереву, раскрыл свой клюв, но гусеницы не увидел. Куда же она могла деваться? И цыплёнок стал поднимать голову всё выше и выше...

В это время дрогнула вверху ветка — должно быть, птичка вспорхнула... Глупый петушок, задрав голову с маленьким, чуть розовым гребешком, смотрел и диву давался: неужели гусеница уже на самом верху?

А серая гусеница ещё только всползала на ствол дерева, сливаясь с цветом коры.

УЛИТКА

Дело было весной. Говорит улитка своей дочке:

— Прогуляйся до чёрного куста, под которым подснежник растёт, и попробуй там весенние листики — какие они на вкус.

Отправилась маленькая улитка в путь. Долго ползла, а когда вернулась, сказала:

— Куст не чёрный, а зелёный, и под ним не подснежник, а земляничка.

— Ах, уже лето! — обрадовалась мать. — Прогуляйся тогда до зелёного куста, под которым земляничка растёт, и отведай там летних листиков — какие они на вкус.

Отправилась маленькая улитка в путь. Долго ползла, а когда вернулась, сказала:

— Куст не зелёный, а жёлтый, и под ним не земляничка, а грибок.

— Ах, уже осень! — удивилась мать. — Прогуляйся тогда до жёлтого куста, под которым грибок, и поешь там осенних листиков — узнай, какие они на вкус.

Поползла улитка-дочь. Долго ползла, а когда вернулась, с испугом сказала:

— Куст не жёлтый, а белый, и под ним не грибок, а заячий след!

— Если так, — вздохнула мать, — посидим дома. К чему идти куда-то на зиму гляючи? Весной — там видно будет...

ЖИВОЙ — НЕ ЖИВОЙ

Две девочки сидели у ручейка. Живой он или не живой — спорили они.

Одна сказала:

— Ручеёк бежит? Бежит. А если загорodить его — он остановится? Остановится. Значит, живой.

Другая сказала:

— Бежит, стоит, а не сидит. Значит, не живой.

Первая сказала:

— Я на него дую, а он морщится. Значит, живой.

Другая сказала:

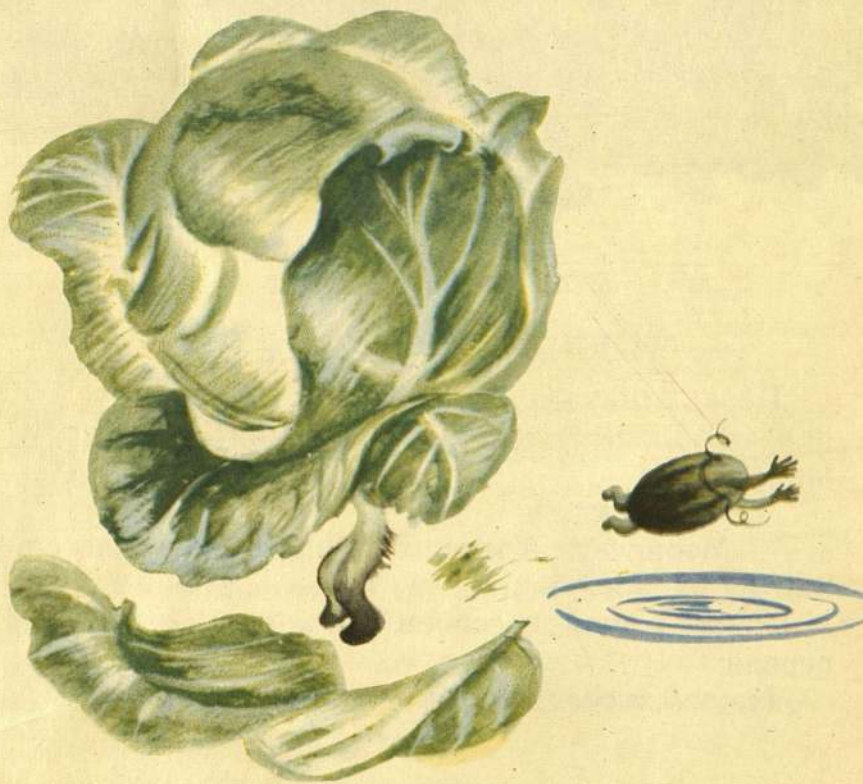
— Морщится, а терпит — не отворачивается. Значит, не живой.

— Не живой, а совсем как живой, — сказала первая

На том и согласились.

ОГУРЕЦ И КАПУСТА

Однажды кочан капусты и огурец пошли вместе купаться на реку. Огурец сразу в воду бросился. А кочан капусты как стал на бережку раздеваться — раздевался до самого вечера. Огурец дожидался его в воде и от холода весь покрылся пупырышками.

ВЕДРО С ВОДОЙ

Шила бабушка в саду на скамейке и уронила напёрсток, а поднять забыла, так и ушла в дом.

Напёрсток упал в траву донышком вниз. Тут стал накрапывать дождик, такой маленький, что после стольких жарких дней он никого не на-

поил, не обмыл, чуть-чуть брызнул и мигом впитался в сухую землю.

И вдруг в траве загудел шмель:

— Смотри-ка, ведро с водой!

Собрались вокруг полного напёрстка букашки-таракашки. Жук-долгоносик длинным хоботком черпает воду и раздаёт по полкапельке на брата — пейте, воды всем хватит. А одна травинка даже голову окунула в напёрсток:

— Вот я и освежилась! Хорошо!

Но брезгливая божья коровка всплеснула крыльшками:

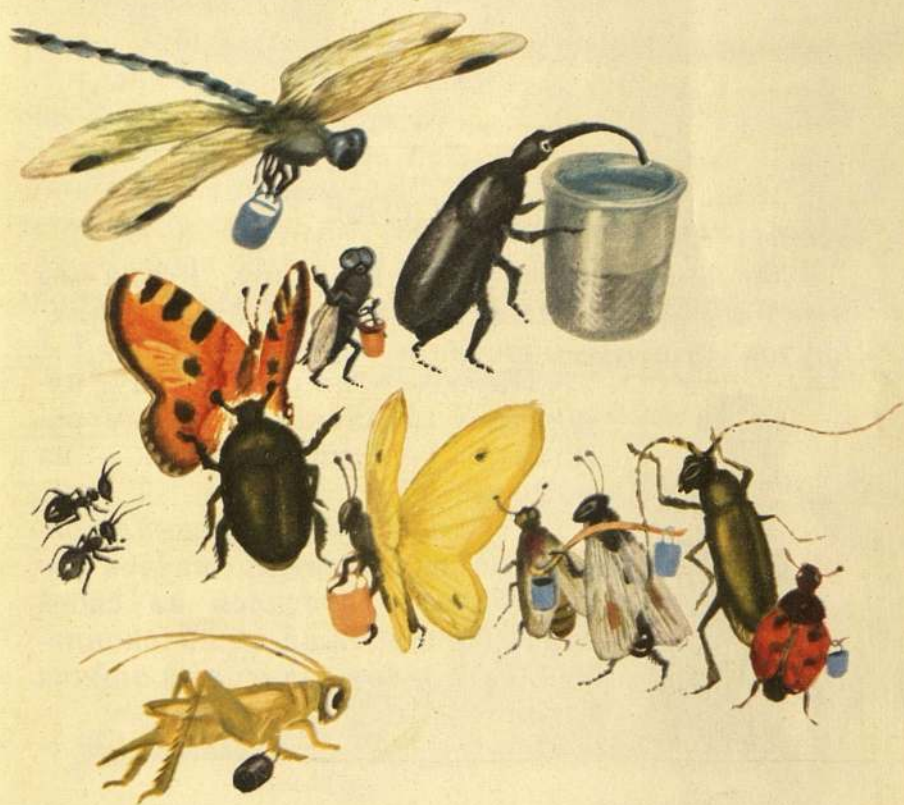
— Помилуйте, разве можно, чтобы каждый совал голову в ведро!

Тут умные муравьи придумали: накрыли напёрсток листиком — теперь вода не высохнет и не запылится.

Весь жаркий день толпился мушиный народ у ведра с водой. А ночью пошёл сильный дождь с громом и с молнией.

Ветер перевернул напёрсток, оставшаяся вода из него вылилась, но она уже никому не была нужна. Вокруг шла такая мойка-стирка — только ветки на деревьях покрякивали; ветер поворачивал листья вверх то одной, то другой стороной и шлёпал по ним потоками воды; молния всё время чиркала по небу, словно огромная спичка: освещит на миг сад, чтобы убедиться, все ли хорошо вымылись, и погаснет.

Наутро пришла бабушка в сад, а у скамейки
напёрсток лежит, блестит на солнце, просится на
палец, как будто ведром с водой никогда и не
был.

НОВОСЕЛЬЕ

Мы переехали в новую квартиру. Когда мы в первый раз вошли в комнату, в ней уже жили: паучок, пушинка с тополя и солнечный зайчик.

Паучок — на окне в углу, пушинка — за стеклом, между рамами, а солнечный зайчик — на потолке.

Как только мы распахнули окно, пушинка вылетела, паучок быстро-быстро спустился на своей паутинке и убежал по подоконнику в сад, а вот солнечный зайчик остался жить с нами!

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Сорвала девочка пучок полевых цветов — сорвала вместе с травой, с росинками на ней и с букашками, пьющими эти росинки, и поставила в стакан с водой.

Смотрит девочка на маленькую букашку и думает: для такой букашки пучок этот — целый сад, а травинки — высокие деревья, а вода в стакане — озеро. Качнёт девочка головой, наплывает тень на стакан, а для букашки — это вечер. Вот она и ползти перестала, спит, наверно, своим коротким букашечьим сном. Отвела девочка голову — снова осветился маленький букет. Опять поползла букашка, кончилась её коротенькая ночь, и девочка кричит ей:

— С добрым утром, букашечка!

СТАРЫЙ ЁЖ

В старом лесу у старого пруда живёт старый ёж. Он всё умеет делать: и шить, и стирать, и гладить. Ляжет пятнышками на полянку тень от листьев — старый ёж принесёт воду с пруда и стирает, и стирает, час, другой. Глядишь — а пятнышек уже нет: тень перешла на другое место...

Помнёт ветерок шелковистую траву — старый ёж тут как тут: притащит гладкий, раскалённый на солнце камушек и гладит им траву. Только дотронется — и трава уже гладенькая: ветерок улетел.

Порвётся на пруду ряска — старый ёж берёт сосновую иголку, вдевает в неё паутинку подлиннее и начинает штопать. Кончит штопать, иголку к себе в жилёт воткнёт, а потом найти не может среди своих собственных иголок.

БОТИНОЧКИ

Ленивый кот лежал на брёвнах и грелся на солнышке, когда во двор вернулись утки.

— Откуда у вас чёрные ботиночки? А я бедный, босой, — сказал он и протянул им белую лапу.

— А ты походи по осенней дороге, как мы, помеси ногами грязь и заработаешь чёрные ботиночки, — сказали утки и опять ушли.

А когда вернулись, кот-лежебока опять спросил их:

— Откуда у вас зелёные ботиночки? А я бедный, босой, — и протянул им белую лапу.

— А ты походи по краю берега возле заводи, как мы, и заработаешь себе зелёные ботиночки, — сказали утки и опять ушли.

А когда вернулись, кот, совсем разомлев на солнышке, спросил их:

— Откуда у вас жёлтые ботиночки? А я бедный, босой, — и протянул им белую лапу.

— А ты походи по песочку мокрыми лапами, как мы, и заработаешь себе жёлтые ботиночки.

Так сказали утки и снова ушли. Но тут во двор вбежала какая-то чужая страшная собака — и, ощерив зубы, прямо к нашему коту. Тот как-ак бросится наутёк — и со двора, через забор, ступает во что попало. А когда опомнился и оглядел себя, то увидел на лапах четыре ботиночка какого-то серо-буро-малинового цвета. Вот как он бес толково бежал.

ХОРОШИЙ СЛУХ

— У тебя такой хороший слух! Вот кому бы учиться пению! — сказал однажды соловей зайцу.

— Слух-то мне как раз и мешает, — ответил заяц. — Как услышу звук, так со страху лишаюсь голоса.

КЛЕТЧАТЫЙ ГУСЬ

Летний день близился к концу. Появились тени: неподвижные тени стволов, колеблющаяся тень листвы и переходящие с места на место тени петухов, кур и других обитателей двора. Если тени не уменьшались на земле, они, перегибаясь, поднимались по стене дома, налезали на забор.

В глубине двора, возле запасных рам для парников, лежал большой клетчатый гусь. Да, да, он был клетчатый, и это переполошило всех. Вот чудо! Разве кто-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь видел кого-нибудь в клеточку? Бывают лошади в яблоках, бывают зебры в полоску, бывают змеи в крапинку, бывают олени в пятнах, но клетчатым никто не бывает!

И вот все стали собираться вокруг клетчатого гуся. Сюда пришли и куры с петухами, и утки, и гуся, и кошка, и собака.

Клетчатый гусь недоумевал. Почему это все собрались вокруг и рассматривают его с таким любопытством? Почему они его не узнают? Что же вдруг случилось?

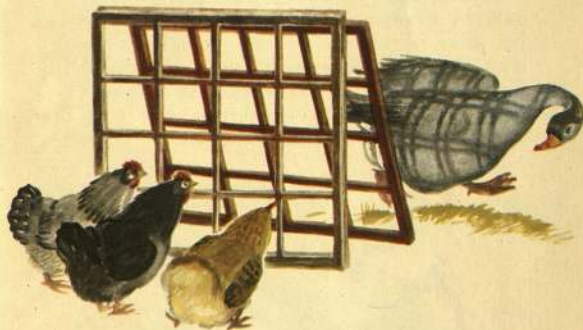
Но тут гусь повернул голову, чтобы почесать себе под крылом, и застыл от удивления: он увидел, что он не просто белый гусь, а гусь необыкновенный — клетчатый! Это не только удивило его, а даже испугало, потому что он был умный гусь

и знал, что клетчатых гусей не бывает. А раз их не бывает — значит, и его нет, а раз его нет, то кто же здесь лежит у решётчатых рам парника и у кого это так несносно чешется под крылом?

Все эти гусиные мысли одна за другой пронеслись в его гусиной голове так неожиданно, что он,

сам того не чувствуя, вскочил на ноги и побежал. И, как только побежал, перестал быть клетчатым, а стал самым обыкновенным белым гусем. Это решётчатые рамы парника бросали на него клетчатую тень.

ПАУЧОК-ФОКУСНИК

Верхушка высокой ели — словно купол цирка, а крохотный паучок-фокусник во много раз меньше самого маленького циркача.

Зелёная безрукавка плотно облегает его круглый животик. Лапки у него голые, и никто не скажет, что он спрятал что-нибудь в рукав. Не шумите, ёлочки и кусты орешника, смотрите все на паучка — он сейчас будет показывать фокусы.

Раз, два, три — и паучок вытаскивает изо рта тонкую шёлковую паутинку и быстро-быстро спускается по ней вниз. Над ним — бездонное голубое небо, под ним, где-то далеко внизу, — земля, а он, бесстрашный маленький акробат, перебирается по тонкой нитке к соседнему дереву.

Пробегаёт ветерок, и листья на деревьях хлопают паучку: «Хорошо! Хорошо! Молодец, паучок!»

Он хочет спуститься совсем низко, вон на ту

ветку, чтобы его фокус был
виден опятam, столпившим-
ся на пеньке. Но тут он за-
мечает на сучке синицу.
Сейчас синица без всяких
фокусов хоп — и проглотит
его.

Раз, два, три — и он вби-
рает в себя паутинку. Вот
он уже снова высоко-высоко.
Деревья вокруг хлопают ему
своими мягкими зелёными
ладошками. Ай да паучок,
вот это номер!

Покачался в воздухе, на-
целился на нижнюю ветку и
вдруг помчался вверх —
всех рассмешил. И никто не
знает, что паучку не до сме-
ха, что это он синицы испу-
гался, которая чуть было не
проглотила его вместе с жем-
чужной паутинкой.

СТРАННАЯ КОСТОЧКА

Всем хотелось узнать, что написано на большой светлой косточке.

Лягушка сказала:

— Стоит только глаза выпучить, и можно будет прочесть.

Гусеница сказала:

— Стоит только подползти, и можно прочесть.

Кузнечик сказал:

— Стоит только подпрыгнуть, и можно прочесть.

Воробей сказал:

— Сверху виднее. Надо взлететь над косточкой и прочесть.

А косточка сказала:

— Что читать, когда ничего не написано. На мне такой узор. Я персиковая косточка.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Выкупалась девочка в речке, выстирала свой платочек, положила его на траву сушить, а сама неподалёку растянулась на солнышке и загорает. А под платочком в траве волнение поднялось: что-то закопошилось, задвигалось и зашуршало.

— Почему стало темно? — спросил мотылёк.

— Над нами какая-то крыша, — ответил кузнечик.

А умный старый муравей сказал:

— Раз мы все теперь под одной крышей, надо жить дружно. Раньше всего надо узнать, не грозит ли нам какая-нибудь опасность.

И муравей всем задал работу:

— Ты, гусеница, проползи по краю крыши и измерь её, очень ли она большая. Ты, светлячок, свети нам здесь, чтобы один на другого не наползал в темноте. Ты, пчела, никуда не улетай, сиди и маши крылышками, чтобы воздуху было больше. А я пойду на разведку, узнаю, откуда взялась эта крыша и не собираются ли нам сделать чего-нибудь плохого.

И под платочком закипела работа. То там, то тут подрагивал платочек, надувался пузырьками, проваливался ямками и опять надувался. А по самому его краю ползла гусеница. Она приставляла задние ножки к передним, выгибалась дугой спинку и снова выпрямлялась, выбрасывая вперёд туловище. Так она промерила от края до края все четыре стороны платочка.

А старый муравей приполз и рассказал:

— Неподадёку от нас лежит на траве девочка. Крыша над нами — это, наверно, её проделка. Я её слегка укусил, она проснулась и...

Но не успел муравей договорить, как стало

опять светло. Крыша исчезла так же неожиданно, как и появилась. Девочка сложила высохший платочек и пошла, потирая покусанную руку.

А муравьи, букашки, жучки — все, кто только что был под одной крышей, — расползлись и разлетелись в разные стороны.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка о сером пёрышке	3
Ручеёк	6
Чтобы не проспать	8
Барсук и нора	9
Солнце и луна	10
Друг в кошёлке	12
Ни-То-Ни-Сё	17
Апельсин и яблоко	19
Солнечный коврик	20
Старый зубр	21
Любопытный ветер	22
Крылья	24
Другого языка не бывает	25
Рыбак-чудак	27
Голый комар	29

Отражение	30
Камень и ручеёк	32
Червяк и орех	33
Белка и сорока	34
Первый урок	35
После дождя	36
Зимний привет	37
Необыкновенная дружба	40
Лесная сказка	43
Секрет	46
Как медведица искала своих медвежат	48
Все остались довольны	52
Событие	55
На полянке	57
Дети	59
Ягодка	61
Два муравья	63
Синяя варёжка	64
Цыплёнок и гусеница	68
Улитка	70
Живой — не живой	72
Огурец и капуста	74
Ведро с водой	75
Новоселье	78
С добрым утром !	79
Старый ёж	80
Ботиночки	81
Хороший слух	84
Клетчатый гусь	85
Паучок-фокусник	88
Странная косточка	90
Под одной крышей	91

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Баумволь Рахиль Львовна

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

*

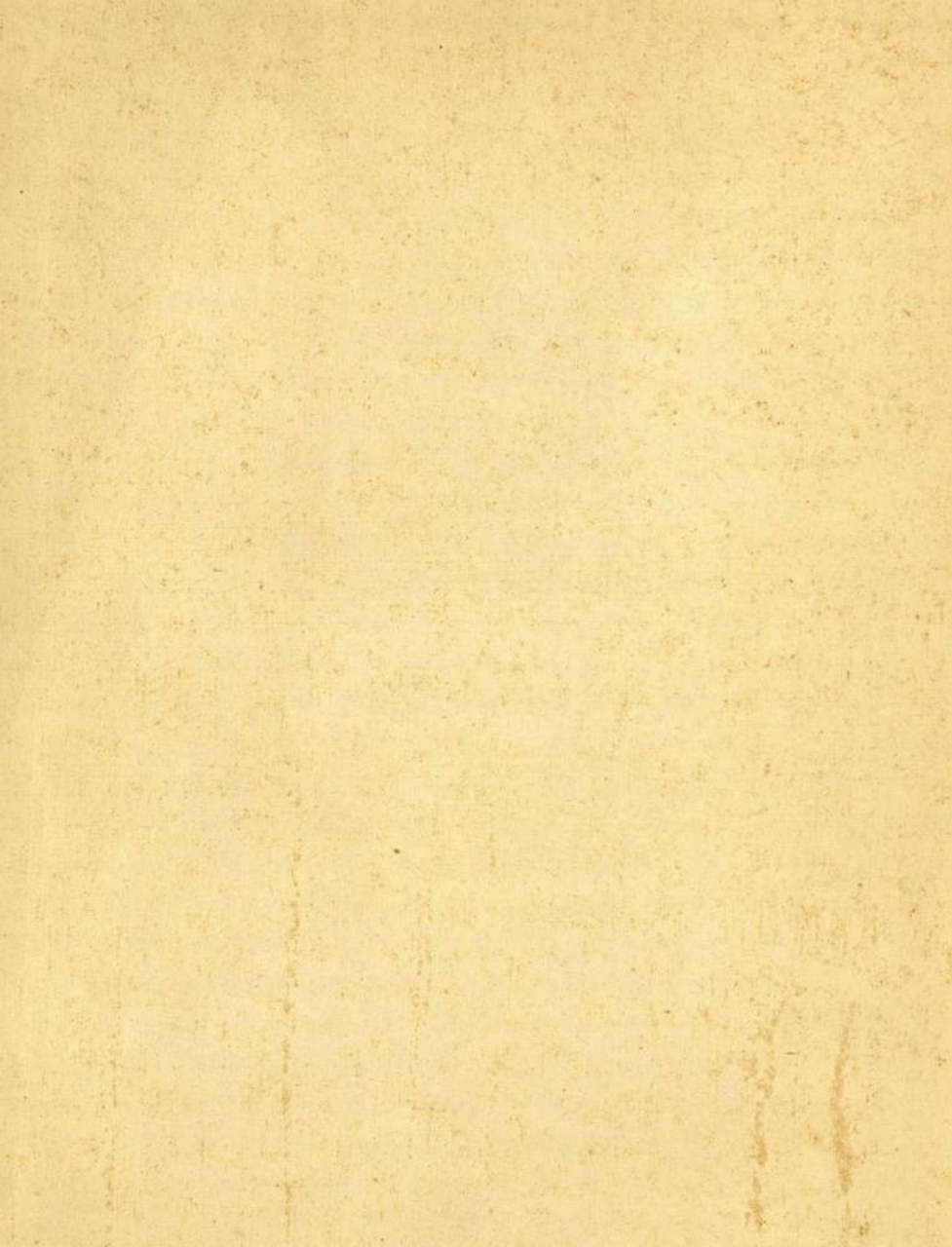
Ответственный редактор К. Д. Арон. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор Н. Г. Леканова. Корректоры В. К. Мирингоф и З. С. Ульянова.

*

Сдано в набор 3/II 1965 г. Подп. к печати 16/V-66 г. Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 5,34. Тир. 100 000. ТП 1965 № 25. Цена 48 коп. на бум. № 1. Издательство „Детская литература“. Москва, М. Черкасский пер., 1.

*

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ленинград, Кронверкская ул., 7. Заказ № 253.

Цена 48 коп.